бежно по-новому поэтому представилась и смена литературных направлений, определявшихся этим развитием.

Значительными общественно-экономическими и политическими сдвигами границы литературных периодов определяются в наиболее типичных для нашего времени общих обзорах учебного и не учебного характера (см. три издания учебника для высших учебных заведений Н. К. Гудзия; три издания научно-популярного очерка академика А. С. Орлова „Древняя русская литература XI—XVI вв.", в последнем издании дополненного главой о литературе XVII в.; учебник, изданный коллективом сотрудников Института литературы АН СССР, и, наконец, первые два тома „Истории русской литературы", составляющие начало многотомного издания Института литературы АН СССР). Однако внутри намеченных в этих обзорах больших периодов необходимо дальнейшее членение материала, учитывающее и исторические и стилистические основания. Развитие литературы с точки зрения ее художественного выражения показано в этих обзорах далеко не достаточно: для полной картины этого развития недостает специальных исследований художественного стиля древней Руси.

Опираясь на итоги исследований общественно-экономической и политической истории древней Руси, литературоведы за минувшие три десятилетия стремились осветить и вопрос об отражении этой истории в литературных памятниках, показать их классовую сущность. Обстоятельствами классовой и политической борьбы мы можем теперь осмыслить появление и собственно исторических сочинений XI—XVII вв., и своеобразной публицистики этого времени, и беллетристики, и даже части религиозно-дидактической литературы. Классические исследования Ф. Энгельса учат нас правильному отношению к „религиозному облачению" средневековой литературы, за которым мы видим теперь жизнь в значительной части разнообразных интересов, столкновений и устремлений. Конечно, далеко не все в этом направлении сделано для осмысления древнерусской литературы, но самая проблема поставлена и пути ее исследования намечены.

Изучение классовой сущности древнерусской литературы позволило широко поставить вопрос о „народности" литературы XI—XVII вв., не ограничивая его, как это делалось прежде, указанием на отражения в литературе фольклора. Строгая историчность марксистско-ленинского метода направила внимание советских исследователей на ту лучшую часть древнерусской литературы, которая обнаруживает признаки подлинной народности: своеобразное выражение интересов народа, его прогрессивных устремлений, высокого гуманизма, хотя и облеченного в обязательные для средневековья формы христианского „милосердия" и осуждения социального зла как „греха" против религии и ее морали. Исследования такого типа нередко вскрывают глубокие противоречия между обязательной идеологией — феодальной и религиозной — с одной стороны, и требованиями, диктовавшимися реальными условиями жизни, —